

УДК 165.0

*В.Н. Карнович***РАЗЛИЧИЕ ДОЛЖНОГО И СУЩЕГО, НОРМАТИВНОГО И ФАКТИЧЕСКОГО
КАК МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКАЯ ФИЛОСОФСКАЯ ИДЕЯ**

Соотношение действительного и необходимого, факт и долга представляет собой важную философскую проблему. В свое время Юм сформулировал ее в парадоксальной форме, утверждая, что люди могут ради минутной выгоды совершить поступок, ведущий к отрицательным последствиям для себя и для других людей. Этот аргумент широко обсуждался в литературе, с разными подходами и разными оценками. В статье предлагается включить в рассмотрение не только моральные, но и природные законы, чтобы соединение двух видов модальностей в посылках позволило бы соединить моральные факты в в посылках и заключении так, что умозаключение окажется правильным.

Ключевые слова: логика, нормативность, модальность, сущее, должное, обоснование, выводимость.

DOI: 10.35634/2412-9550-2019-29-4-390-395

В свое время Юм сформулировал знаменитую максиму о невозможности вывести должное из сущего. Природные обстоятельства, факты и их обобщения, никак не могут обосновать, что принятое и распространенное поведения является обязательным, утверждал он. Необходимое из действительного не следует, и для истинностных, алетических модальностей (природных закономерностей, от греческого «алетейя» – истина) это кажется естественным. А вот для деонтических (этических, правовых – от греческого «деон», долг) это кажется парадоксальным. В обоснование этой идеи Юм, в частности, предлагал свои знаменитые мысленные эксперименты. Один из них излагается так: представим себе, что у меня мучительно чешется палец. В принципе, получается, что даже знание о том, что когда я его почешу, исчезнет весь мир, и при этом и я сам, никак не мешает мне удовлетворить свое желание. Кажется, что мы обязаны чем-то, и себе и миру, в котором живем, и этически необходимо в этой ситуации воздержаться от поступка. Именно против такой связи факта и нормы и возражает Юм своим примером¹.

На первый взгляд кажется, что на это очень легко возразить, достаточно сослаться на моральные законы. Но вот тут-то и обнаруживаются дьявольские детали этого мысленного эксперимента. Предположить, что есть природные законы, мы можем. И даже можем представить себе, что из факта, что я почешу палец, каким-то образом с природной необходимостью вытекает, что все исчезнет (это будет алетическая модальность, если истинно одно, то истинно обязательно и другое). Такие природные необходимости, причем в нескольких разновидностях, вполне себе возможны. Но вот чтобы из природной необходимости вытекали предписания для моей свободной воли? Это как? Интуитивно и по фактам я выбираю свое поведение независимо от законов природы. Хочу, плюю против ветра, а могу выбрать и самоубийство. Мораль для мыслящего свободно человека предстает тогда как конвенция, которая меняется от общества к обществу в пространстве, и исторически, во времени. И я как индивид обладаю свободой воли, а если не выбираю, то это от лени, по недомыслию, по при-

¹ К сожалению, в русском переводе соответствующих мест из Юма неудачно использовано слово «поцарапать» для английского “scratch”, которое следовало бы здесь перевести словом «почесать». Этот не очень удачный выбор и весьма замысловатый синтаксис перевода затрудняют понимание смысла знаменитой фразы из трактата «О человеческой природе». В русскоязычной литературе есть тексты, в которых авторы пытаются это все-таки истолковать как-то последовательно. Одни говорят о связи двух зол, меньшего и большего, и тогда мы получаем странную альтернативу из двух вариантов: не причинять себе боль, расцарапав палец, или поцарапав, погубить тем самым мир. Другие трактуют это как целенаправленное уничтожение мира и себя в нем, вроде как пусть мне будет больно и пусть мир, в котором есть боль, исчезнет. Вот текст русского перевода с его своеобразной редакцией: «Я ни в коей мере не вступлю в противоречие с разумом, если предпочту, чтобы весь мир был разрушен, тому, чтобы я поцарапал палец» [9]. Русский аналог находим в «Записках из подполья» у Достоевского, в форме монолога героя: «Мне надо спокойствия. Да я за то, чтоб меня не беспокоили, весь свет сейчас же за копейку продам. Свету ли провалиться, или вот мне чаю не пить? Я скажу, что свету провалиться, а чтоб мне чай всегда пить». Здесь вполне недвусмысленно выражена почти та же идея, за исключением, пожалуй, исчезновения говорящего вместе с миром, а для текста Юма это допустимо подразумевать.

вычке, и т. п. Тогда мой выбор – это фактическое обстоятельство, он если и совпадает с выбором других людей, то случайно, не по внутреннему закону разума. И чтобы эту линию рассуждений опровергнуть, нужно допустить Сократову мудрость, особое, метафизическое знание, которое прямо обращено к идеям справедливости и блага, либо просто принять, что Бог (или Природа) «вмонтировал» в нас моральные законы, и тем самым отождествить законы природные и человеческие. Для Юма, атеистов и философов-эмпирицистов последнее недоказуемо, невозможно вывести из наблюдаемого, а значит, неприемлемо. Так критикуют метафизику, а Юм знаменит именно этим.

Итак, вопрос упирается теперь в соотношение не просто фактов, но отдельных фактов в их связи с алетическими и деонтическими модальностями, а также требуется интерпретация моральных поступков отдельных людей и их объяснение в свете новой ситуации.

Было и есть много разных интерпретаций идеи Юма, начиная с полного отрицания, до попытки подходящего истолкования. Соответствующие обзорные материалы, критическая и положительная аргументация изложены, в частности, в сборнике статей [7] и монографии Варнока [8].

Многое в истолковании относится к языку вообще, и к способу выражения Юма, который то ли намеренно, с целью сохранения общности рассуждений, то ли по недосмотру, часто выражается слишком расплывчато. Очевидно, что предложения и фразы естественного языка могут быть двусмысленными, и трактоваться как в описательном, так и нормативном смысле. Один из простых примеров дает статья 1. Конституции РФ, в части 1 которой записано следующее: «Российская Федерация – Россия есть демократическое федеративное правовое государство с республиканской формой правления». Это положение обычно относят к так называемым «декларативным нормам», и слово «декларативность» в этом случае представляет собой кальку с латыни или с английского, где смысл соответствующего слова состоит в том, что само предложение является повествовательным, т. е. грамматически это описание. Нормативность же все-таки присутствует по той простой причине, что слова «демократическое» и «правовое» сами по себе имеют оценочный характер, а предложение в целом включено в нормативный документ, и в силу системности права соотносится с другими нормами, которые как раз и уточняют это предписание для различных ситуаций. Так этот вопрос разрешается в праве, за счет отсылки к нормативному контексту в целом.

Можно взять более простые примеры. Фраза «Завтра должен быть дождь» может означать, что человек считает такую погоду возможной, или необходимой, а может быть, или то и другое одновременно. Иными словами, это может быть констатация (модальность алетическая, в смысле событие произойдет обязательно, без участия человека), и может быть предписанием вызвать дождь (искусственно, по своей воле), например, для тушения лесного пожара. Этот пример интересен тем, что он содержит явным образом идею нормативности, но при этом нормативность может трактоваться по-разному.

Несмотря на такую многозначность, в логическом отношении придется все-таки исходить из того, что мы можем различить эти два смысла, описательный и оценочный, в данном случае нормативный. Например, можно выделить смыслы «желательно, чтобы...» или «будет с необходимостью, что...», и это будут описания. Предписание (императив «должно быть так, что...») и оценка (правильно, чтобы было...) представляют нормативные смыслы. Без такого различения невозможно даже сформулировать проблему связи должного и фактического.

Чтобы пояснить ситуацию, удобно воспользоваться символической формальной записью. В самом простом виде она может выглядеть так. Фразу «завтра должен быть дождь» в формальном представлении можно записать либо формой Pf_a (P замещает оборот «возможно, что...», F – предикат «х – дождливый», a = завтрашний день), либо формой Of_a (O – «должно быть так, что...»), либо конъюнкцией $Pf_a \& Of_a$ (возможно, что завтра будет дождливый день, и при этом так и должно быть). Хэар [2. С. 112-20] убедительно показал, что в принципе в естественном языке всегда можно отличить описательное значение от нормативного (в частности, этического, поскольку он писал о морали). Это на самом деле означает, что можно перевести такие предложения в формально определенные утверждения за счет использования для них различных формальных знаковых форм в специальном формальном языке. При этом бывает иногда неважно, что имеет в виду говорящий, когда произносит фразу «завтра день должен быть дождливым», причем настолько неважно, что возможна ситуация, когда ни он сам, ни другие не могут определенно решить, является ли эта его фраза описанием или, наоборот, предписанием. В последнем случае мы можем просто представить ее смысл как включающую дизъюнкцию (альтернативу) ($Pf_a \vee Of_a$), т. е. логически обозначить, что говорящий выбирает одно из включенных в альтернативу возможных толкований, или даже считает оба правильными. В этом последнем случае выбор как бы отсутствует, но, что очень важно, вовсе не по при-

чине невозможности различить описательное и нормативное значения фразы. Таким образом, указать на отсутствие толкования не значит доказать его невозможность, как иногда считают. «Не могу выбрать» вовсе не значит «Не могу различить».

Более того, разные смыслы многозначных выражений естественного языка должны быть обозначены различными формальными средствами, даже если это средства естественного языка. Однозначность словоупотребления – это принцип коммуникации, где язык используется не в качестве художественного средства для создания образов и внушения каких-то идей. В научной коммуникации, например, нужно придерживаться требования логического закона тождества: А есть А, а если А есть в то же время и В, то придется догадываться, какое из значений А использует собеседник, что не всегда получается. Можно и нужно стремиться к однозначности, если не использовать язык для риторических, идеологических, художественных, а не научных целей.

Есть простой довод в пользу возможности различения разных смыслов одного термина. Если бы мы не могли этого сделать, то возникает вопрос, как вообще мы узнали бы, что существуют различные смыслы исходного термина или фразы? И наоборот, если мы знаем, что термин двусмысленный, то различные значения, скажем 1 и 2, для нашего исходного термина X мы можем всегда разделить простой индексацией, пометив уточняемый термин индексами X1 и X2, и тем самым заменить X на эти «альтернативные толкования» при переводе предложений, в которые входит X в качестве составляющей.

Таким образом, представляются необоснованными, по крайней мере, с точки зрения научных и логических стандартов обоснования, известные аргументы «дескриптивистов», например Варнока [8] или Фут [1], которые спорят с Хэаром, потому что считают, что не всегда можно различить описательное и нормативное значения предложений естественного языка²

Безусловно, всегда можно сослаться на нежелание отступать от практики естественного языка и отрицать необходимость логически различить разные значения в его конструкциях по поводу фактического и нормативного. Примерно такие возражения в этике выдвигали сторонники лингвистической аналитики против использования логического анализа естественного языка в философских проблемах. Был даже придуман так называемый «парадокс экспликации», суть которого состоит в доказательстве, что при уточнении исходного значения слова или фразы мы получим два выражения с разным смыслом, что будет искажением исходного смысла, и поэтому любая экспликация двусмысленного выражения окажется искажением смысла исходного утверждения. Софисты в свое время учили, что образование убивает (прежнего) человека, потому что делает его другим, (новым) человеком. Мир развивается, люди и предметы изменяются, но никто не отменял законов идентификации предмета или события как единого в соответствующих границах осмысленности. Игра смыслами противоречит правилам научного исследования. И по существу отказ от экспликации в данном случае, какими бы аргументами он не поддерживался, будет лишь означать, что мы просто не хотим исследовать проблему соотношения между этими двумя ситуациями.

Допустим теперь, что мы всегда можем различить описательный и нормативный смыслы с помощью необходимых уточнений в соответствующих обозначениях (необязательно отличающихся от естественного языка). Тем самым мы получим обоснование аргументативной независимости должного и фактического, что и предполагается в толковании обсуждаемой идеи Юма. Но как это сделать? Прайор [4] предложил вполне правдоподобный способ, который заключается в том, чтобы принять дихотомическое деление множества всех предложений на нормативные и не-нормативные. Тогда получится следующая трактовка положения Юма: «ни одно нормативное утверждение не выводится логически из непротиворечивого множества не-нормативных предложений»³.

² Следует добавить, что можно различить нормативность научную и логическую, считая при этом, что научная нормативность включает в себя как нормы дедуктивной логики, так и дополнительные «ампливативные» методы (т. е. расширяющие, выходящие за область установленных данных), в частности вероятностные и гипотетически приемы построения теорий, вроде гипотетико-дедуктивного метода, и даже определенные нормы поведения в «республике ученых».

³ Это написано через дефис, чтобы не возникло впечатления, что возможны только два варианта – нормативная (допустимая) и ненормативная (предосудительная) лексика. Не-нормативное – это не предписывающее и не оценивающее, а лишь описательное использование языка. Отрицание через дефис здесь логически бесконечное, по принципу «все прочее, не являющееся предписанием в каком-либо отношении». В частности, описательное предложение может содержать табуированную лексику, и окажется ненормативным, но в то же время описани-ем, а не предписанием, т. е. не-нормативным.

Эта дихотомия, деление изучаемого предмета на виды посредством несовместимых и исчерпывающих категорий, как раз и будет обоснованием особого характера несовместимости фактического и нормативного смысла в естественном языке.

Но тут опять неясность: как именно следует провести точную границу, то есть, как именно обосновать дихотомию? Прайор предлагает делать это по содержанию, отличая нормативное содержание от описательного. Чисто нормативное предложение, которое содержит описания только после модальных слов «необходимо, что» или «должно быть так, чтобы», и в котором эти описания задают желаемые, обязательные или разрешенные действия или состояния, можно тогда записать формой ОА или сложными конструкциями из таких нормативных предложений, например, $OA \rightarrow OB$. В этих обозначениях здесь записаны фразы естественного языка «Нужно сделать так, чтобы реализовалось описание А» и «Если должно (нужно) сделать А, то должно (нужно) сделать В». Такие суждения считаются нормативными при условии, что они не являются логически истинными, что кажется сначала странным, но очень важно, и будет объяснено далее согласно идее самого Прайора. Таким же образом, чисто описательное предложение, то есть не содержащее обязывания к реализации какого-то положения дел, должно считаться не-нормативным предложением.

Теперь остается вопрос: как быть со сложными предложениями, которые содержат как описательные, так и нормативные составляющие в своем составе? Например, конъюнкция «А & ОВ» (где А является описательным), безусловно, имеет нормативное содержание, а именно ОВ (при этом предполагаемое долженствование ОВ не должно быть логической тавтологией, что тоже будет разъяснено далее). Но вот с импликацией вида $A \rightarrow OB$ или $\square(A \rightarrow B)$, где квадратик используется традиционно для обозначения алетической (истинностной) модальности и читается как «необходимо истинно, что...») уже возникают вопросы. Если первое суждение толковать как обусловленное (гипотетическое) долженствование, а второе как закон связи двух событий, т. е. закономерное долженствование, то можно считать, что в обоих суждениях есть нормативное содержание и по этой причине обе импликации нормативны [4. С. 202]. Однако опять возникает серьезный парадокс: *если можно провести различие нормативного и не-нормативного среди высказываний, то должны быть выводы из не-нормативных посылок к нормативным заключениям, просто в силу правил логики высказываний.* Прайор делает отсюда вывод, что тезис Юма просто неверен.

Есть простой способ преодолеть парадокс Прайора. Нужно отказаться от дихотомии и ввести трехчленное деление (трихотомию), включающую (а) чисто описательные, (б) чисто нормативные и (в) смешанные предложения, которые содержат и описательные, и модальные составляющие. И тогда преодолеть парадокс можно, если отказаться рассматривать вариант (в), чтобы, с одной стороны, признать возможность комбинации разных модальностей, но отказаться рассматривать их как часть идеи Юма. С этим предложением согласились некоторые исследователи, например, Харрисон [3. С. 72]

Но есть и вариант включить смешанные предложения в рассмотрение, и тогда мы получим несколько усложненный вариант тезиса Юма, который можно назвать специальным тезисом Юма, сокращенно SH (специальный тезис Юма). Его формулировка в естественном языке выглядит следующим образом: не существует непротиворечивого набора чисто описательных посылок D, из которого логически вытекает чисто нормативное заключение N, и чтобы этот набор при этом сам бы не был логически истинным (логической тавтологией). Иными словами, чисто нормативные заключения можно получить только из логических тавтологий, которые, как известно, неинформативны. Вот здесь как раз понятно, почему ограничения непротиворечивым множеством D и внелогической истинностью N (т.е. это суждение не логическая тавтология) безусловно необходимы, поскольку если Г – противоречивое множество посылок или А – логическая тавтология, то А следует из Г тривиальным образом, поскольку логические тавтологии вытекают из любых фактических положений, а противоречивое множество посылок обеспечивает выводимость любого утверждения. Г поэтому не может быть ни законом логики, ни противоречием.

Тогда мы получим четыре различных формулировки понятия «чисто нормативного утверждения» из-за комбинации алетических и деонтических модальностей с описательными выражениями, и эти формулировки будут различаться по своей логической силе. А это значит, что есть четыре разных толкования такого усложненного тезиса Юма, которые можно было бы обозначить как SH сильное, SH1m (m=middle) среднее первое, SH2m среднее второе, и SHw (w=week) слабое. Получаются они разной расстановкой на двух местах двух разных модальностей, что и определяет количество толкований простым перебором вариантов.

При таком анализе, однако, преодоление парадокса Прайора путем запрета на некоторые смешанные предложения нельзя считать удовлетворительным, это оказывается искусственным приемом, чтобы избежать парадокса за счет переопределения смысла слов (терминов), входящих в его формулировку, а это попытка исключить трудные случаи *по (пере)определению*. На самом деле в моральных и юридических контекстах смешанные предложения (правила соответствия или связи двух языков) играют очень важную роль, и примером являются условные долженствования (обязывания) вида $A \rightarrow OB$ или $\Box(A \rightarrow OB)$.

Понятно, что эти и другие смешанные предложения имеют этическое содержание, содержат этическую информацию (в каком-то из возможных уточнений для этих понятий). Поэтому на самом деле интересно получить некоторый обобщенный тезис Юма – сокращенно GH (general Humean), который применим также к смешанным предложениям и, таким образом, разрешает парадокс Прайора.

Это можно сделать, если ввести критерий релевантности (относимости к предмету обсуждения, связи по смыслу) для дедуктивных умозаключений. Предлагаемый обобщенный тезис Юма в такой трактовке утверждает следующее: если смешанное заключение A выводимо из чисто описательных посылок D , то такое умозаключение считается полностью нерелевантным (сокращение O -нерелевантно). Действительно, не будет терминологических пересечений между посылками и заключением, и получится отсутствие связи между ними. Простой пример дает силлогистика. Если среднего термина в посылках нет, то и ничего принципиально интересного получить из посылок нельзя. Попробуем подставить вместо описания его отрицание, т.е. подставить в A отрицания описательных утверждений. После такой операции O -ограничения каждая O -ограниченная ($\text{not-}O$) подстановка $\text{not-}OA$ выводима из D . Таким образом получится, что $\text{not-}OA$ – это формула, полученная заменой в A всех вхождений описательных предикатов на другие (возможно сложные) предикаты соответствующей местности в точности на тех местах, которые входят в область оператора долженствования O . Например, GH утверждает, что в тех случаях, когда из чисто дескриптивного множества посылок D для простого предложения p окажется выводимым $\Box p \rightarrow Op$, должно быть выводимым также $\Box p \rightarrow OA$ для любой формулы A , в частности, и для A , которое представляет собой отрицание p , т.е. для формы $\Box p \rightarrow O \neg p$ (здесь уголок перед p обозначает отрицание суждения p). Это парадоксально, потому что одна и та же реальная ситуация p будет приводить к конфликту норм [6].

До сих пор речь не шла о применяемой логике, были показаны только общие схемы содержательных понятий, необходимых для уточнения смысла соотношения должного и фактического. На самом деле известно, что представление о смысле и связи внутри некоторой концептуальной системы определяется не только соотношением базовых понятий (концептуальных и пропозициональных примитивов, как раньше выражались логически настроенные представители аналитической философии, например, ее основатель Б. Рассел), но и от принятой логической системы. При разных правилах вывода получают разные наборы следствий, независимо от исходных предпосылок или аксиом. Прекрасной иллюстрацией этого служит расхождение между силлогистикой Аристотеля (традиционной логикой, с учетом всех последующих уточнений и добавлений) и логикой предикатов. Девятнадцать правильных модусов силлогизмов превращаются у одних в 15, у других в 24, у третьих в 23, в зависимости от ограничений, накладываемых на логические правила. А если учесть еще возможность использования наряду с классической еще и интуиционистских и модальных логик, вопрос о возможности и важности логики для экспликации тезиса Юма становится еще важнее и сложнее.

Более того, придется еще учитывать разницу математической и философской логикой, прекрасно обрисованную в оригинальной и малоизвестной статье Б. Рассела [5]. Хочется заметить, что весьма своеобразно идеи Рассела фактически пересказал В. Куайн в лозунге «существовать – значит быть значением квантифицируемой переменной», где зачастую сами составляющие слова широкой публике не всегда понятны. В любом случае, трудность в том, что при многообразии философских и формально символических подходов к логике задача становится почти неразрешимой как таковая, зато весьма и весьма общей, когда общность граничит с мировоззренческой универсальностью и всеохватностью. Можно предположить, что именно к этому стремился и сам Юм, когда заострил проблему «мысленным экспериментом» про тот палец, который чешется, и при этом ничто не может мне запретить его почесать, даже если при этом погибнет мир.

Осталось только отметить, что есть практически необозримое множество математически оформленных систем модальной логики, построенных на сочетании алетических и деонтических модальностей, и утешает только то, что некоторые из них действительно представляют собой сочетание

символически и философски значимых построений. Вряд ли может быть только одна такая логика, которую можно было бы признать абсолютно адекватной, просто исходя из различия интуиций нормативности, долженствования, истины, эффективности, обязывания, и т. п. идей, лежащих в основе их построения.

Более того, можно по-разному трактовать значения модальных операторов. Например, \square можно читать как «принято верить, что ...», а \bigcirc как «принято считать ценностью ...», где за модальными операторами следуют описания того, во что принято верить или что принято ценить; можно и по-другому – \square читать как «желательно, чтобы ...». Различные интерпретации будут по-разному осмысляться как реализация принципа Юма для разных случаев. Наряду с предложенным ограничением в виде требования релевантности связи факта, истины и долженствования, такие разные толкования обеспечивают множественность трактовок тезиса Юма.

В этом плане логическая модель соотношения долженствования и фактического положения дел является действительно философской (читай – предельно общей) и поэтому позволяет осмыслять различные области познания и деятельности, и таким образом служить руководством к теоретическому анализу и практическому применению философских идей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Foot P. Moral Beliefs // The Is-aught-Question. L., 1969. pp. 196–213.
2. Hare R. The Language of Morals. Oxford, 1952. pp. 112–120.
3. Harrison J. Ethical Naturalism. // Edwards P. The Encyclopedia of Philosophy. Vol. 3/4, The Macmillan Company & The Free Press: New York, Reprint Edition. pp. 69–71.
4. Prior A.N. The Paradoxes of Derived Obligation // Mind. 1954. Vol. 63. pp. 64–65.
5. Russel B. The existential import of propositions // Mind. 1905. Vol. 14, № 55, pp. 398–402.
6. Schurz G. Relevant Deduction. From Solving Paradoxes Towards a General Theory // Erkenntnis 35, 1991, pp. 391–437.
7. The Is-aught-Question. L., 1969.
8. Warnock G.J. Contemporary Moral Philosophy. L., 1967.
9. Юм Д. Сочинения в 2 тт. М.: Мысль, 1965. Т. 1. С. 458.

Поступила в редакцию 21.11.2019

Карпович Валентин Никонович, доктор философских наук, профессор, ведущий научный сотрудник
Институт философии и права Сибирского отделения Российской Академии наук
630090, Россия, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8
E-mail: kkvvnn@gmail.com

V.N. Karpovich

THE RELATIONS OF CONTINGENT AND NECESSARY, NORMATIVE AND ACTUAL AS A WORLDVIEW PHILOSOPHY IDEA

DOI: 10.35634/2412-9550-2019-29-4-390-395

The relation of the contingent and the necessary truths and between facts and duties is an important philosophical problem. Hume formulated it in a paradoxical form, arguing that people can, for the sake of momentary benefit, commit an act leading to bad consequences for themselves and for other people. This argument has been widely discussed in the literature, with different approaches and different interpretations. Here we propose to include in the reasoning not only moral, but also natural laws, so that the combination of two types of modalities in the premises would allow to get deductively a moral fact as a conclusion from another moral fact plus a connected combination of deontic and alethic modalities in the premises.

Keywords: logic, normativity, modality, entity, ought and can, argumentation, inference.

Received 21.11.2019

Karpovich V.N., Doctor of Philosophy, Professor, Leading Researcher
Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Nikolaeva st., 8, Novosibirsk, Russia, 630090
E-mail: kkvvnn@gmail.com